

Ча Хён Сын стоял на улице в дождливую ночь и с тоской смотрел на пятиэтажное здание. По выражению его глаз можно было понять, что он очень обеспокоен. Он не мог оторвать взгляд от света, излучаемого однокомнатной квартирой На Ми Ён, словно скучал по ее лицу, которое не видел уже несколько дней.

— Ча Хён Сын?

Когда Пак Чжи Хёк вышел из квартиры На Ми Ён, он увидел стоящего там Ча Хён Сына, который с озадаченным видом наклонил голову набок.

— Ты пришел навестить Ми Ён? Ее еще не положили в больницу, так что тебе нет необходимости приходить сюда, — ответил Пак Чжи Хёк.

Другими словами, никто из ее одноклассников или друзей не пришел навестить ее. Они лишь посоветовали ей беречь себя, узнав, что она простудилась. Образ Ча Хён Сына, стоящего посреди ночи с коробкой из-под каши с логотипом ресторана, выглядел довольно странно.

— Ми Ён сейчас спит, так что даже если ты придешь к ней в квартиру, то не сможешь ее увидеть. Ты купил это для Ми Ён? — спросил Пак Чжи Хёк, указывая на пакет с кашей.

Ча Хён Сын кивнул. Он купил его для нее, но не думал, что сможет отдать его ей. Чувствуя себя неловко, он бессмысленно стоял там один с онемевшими ногами, и его лицо заметно покраснело, несмотря на ночную темноту.

— Хм, прости, но я не могу отдать это Ми Ён. Нельзя давать дешевую кашу с неизвестными ингредиентами больному пациенту.

Ча Хён Сын растерялся, услышав, что Пак Чжи Хёк говорит без злобы. Он был всего лишь мужчиной, который беспокоился о любимой женщине. Впервые на его покрасневшем лице появился стыд.

Пак Чжи Хёк пристально посмотрел на Ча Хён Сына и невинно спросил:

— Ты влюбился в Ми Ён? Ну, это не удивительно, ведь она прекрасная девушка.

Он говорил непринужденно, как будто только что узнал факт, который не был ни смешным, ни вызывающим ревность. Уверенность в том, что чувства Ча Хён Сына никак не влияют на их любовь, превратилась в безразличие, которое вскоре переросло в пренебрежение.

— Ми Ён спит, так что, пожалуйста, уходи. Мне нужно вернуться в дом после того, как я выкурю сигарету.

Пак Чжи Хёк ярко улыбнулся, достал из кармана пачку сигарет и потряс ею. Несмотря на то, что он выглядел довольно злобным, можно было также утверждать, что он просто наивный, не обремененный заботами богатый мальчишка.

Ча Хён Сын развернулся и ушел с кашей, которую не смог отдать На Ми Ён. Когда он уходил, Пак Чжи Хёк прикуривал сигарету, держа в руках зонтик, и даже не взглянул на него. Над плечом Ча Хён Сына блеснуло небольшое пятнышко света, и тонкая струйка дыма начала подниматься вверх.

В конце переулка Ча Хён Сын вдруг оглянулся, постояв некоторое время на углу переулка и уставившись в пустоту. Не успел он оглянуться, как Пак Чжи Хёк докурил сигарету. Он не заметил, как тот поднялся в однокомнатную квартиру. Когда он поднял голову и стал искать комнату На Ми Ён, свет в ее квартире уже погас. Чтобы посмотреть наверх, ему пришлось убрать громоздкий зонт за спину, так как он загораживал вид на ее квартиру. Без зонта Ча Хён Сын поднял голову, чтобы дождь попал ему на лицо.

Капли дождя стекали по его волосам и лбу, собирались вокруг глаз, а затем стекали по лицу. Казалось, что он плачет, но капли не были слезами. На его лице не было никакого выражения. Он просто выглядел безразличным. В этот момент он начал проявлять эмоции через свои глаза. До сих пор Ча Хён Сын любил На Ми Ён лишь молча, издали. Первой эмоцией, которую он проявил за долгое время, было отчаяние.

— Снято!

Несмотря на то, что сцена закончилась, Чхэ У Джин просто стоял в оцепенении. Чхве И Гён осторожно подошел к нему, видя, что У Джин никак не может прийти в себя, хотя разбрызгиватель воды был выключен и все уже старательно убиралось. Это была ситуация, когда У Джин не мог выйти из образа даже после окончания сцены, борясь с волнами эмоций.

Чхве И Гён видел, как это происходит время от времени, поэтому он подошел и легонько похлопал У Джина по плечу. У Джин пришел в себя только после этого. Он оглянулся через плечо и перевел взгляд на Чхве И Гёна. Чхве И Гён кивнул в ответ У Джину, глаза которого наполнились слезами, не пролитыми во время съемок. Казалось, что Чхве И Гён уже знал, через что пришлось пройти У Джин, не сказав ни слова.

— Режиссер? — спросил У Джин.

— Я знаю, что вы чувствуете. Должно быть, у вас сейчас много мыслей, — сказал Чхве И Гён.

Для У Джина было нормально чувствовать себя растерянным, когда реальность не казалась настоящей и он не мог отличить, был ли мир фильма, в котором он снимался, настоящим или ненастоящим.

— Тем не менее, никаких слез. Ча Хён Сын не проливает слез, — продолжил режиссер.

У Джин посмотрел на Чхве И Гёна, который почувствовал облегчение от того, что слезы не попали на экран. Он спросил:

— Что?

— Если бы ваша версия Ча Хён Сына была неудачником, он, возможно, заплакал бы пару раз. Но ваша версия Ча Хён Сына - твердый и сильный человек. Он не стал бы плакать из-за этого.

Чхве И Гён разговаривал с ним так, словно ласково успокаивал ребенка. Это было очень странно и довольно жутко. Это помогло У Джину выйти из транса и прийти в себя, но он не мог понять, что говорит Чхве И Гён.

— С чего бы Ча Хён Сыну плакать? — спросил У Джин.

— Вы сейчас плачете, нет? — Чхве И Гён в ответ задал ему вопрос.

— Но это я плачу, а не Ча Хён Сын.

— А? Почему же вы тогда плачете?

Услышав вопрос Чхве И Гёна, У Джин на мгновение замешкался и огляделся по сторонам. Несмотря на то, что все обращали внимание на их разговор, им удалось обмануть У Джина, так как они делали вид, что сосредоточены на своих задачах. Поэтому он признался Чхве И Гёну в своих чувствах.

— Ранее, в последней части сцены, мне вдруг вспомнилось, как моя бывшая девушка ни с того ни с сего хотела порвать со мной. Я не должен был этого делать... Я думал о чем-то другом, пока играл... потому что было так горько и отчаянно...

— А, понятно. Так вот что произошло... - ответил Чхве И Гён отрывисто, будто робот.

Другими словами, в исторический момент его карьеры, застывший "взгляд отчаяния" на лице У Джина ранее принадлежал самому Чхэ У Джину, а не Ча Хён Сыну. Несмотря на то, как неудачно проходили сегодняшние съемки, это была единственная сцена, которой Чхве И Гён остался доволен за весь день. И это выражение лица из этой сцены было тем, что ему понравилось и чем был доволен. Чхве И Гён держал эти мысли при себе, не произнося их вслух.

Глядя на выражение лица Чхве И Гёна, У Джин спросил обескураженным голосом:

— Может быть, нам стоит снять эту сцену еще раз?.

— Нет! — воскликнул Чхве И Гён, — «Как я могу переснять эту сцену?» — он попытался подавить свои мысли и заставил себя милостиво улыбнуться У Джину. — Хотя это и не было игрой, но это было неплохо. Давайте просто оставим все как есть.

По правде говоря, это решение шло вразрез с ценностями Чхве И Гёна. Даже если это была запоминающаяся сцена, исходя из того, что сказал У Джин, это не было актерской игрой. Несмотря на то, что он был категорически против того, чтобы снимать что-то, что не является настоящей игрой, он не мог отказаться от этой сцены. Не было никакой гарантии, что они смогут снять более удачную сцену, если повторят ее снова.

— Но меня это очень тревожит. Несмотря на то, что сегодня было много дублей, я хочу сделать идеальную работу...

— Всё. Сделано. Превосходно! Так что не мучай себя всякими странными мыслями!

Режиссеры были людьми, готовыми на все, чтобы снять нужные им сцены. Чхве И Гён понял, что и он сам не исключение. С другой стороны, актеры могли говорить только посредством актерской игры.

У Джин чувствовал, что то, что он сделал раньше, не было актерской игрой - это были лишь обрывки эмоций. Хотя такие мысли для актера были в новинку, он хотел отстоять свою позицию.

— Дело не в том, что у меня странные мысли. Просто это действительно нелепо...

Чхве И Гён прикрыл рот У Джина рукой и сказал, что ему уже приходят в голову странные мысли. В этот момент Чхве И Гён вдруг вспомнил слова У Джина о том, что его бывшая девушка бросила его. В этот момент Чхве И Гён с грустным взглядом смотрел на У Джина, застывшего в его руках.

Отчаяние, единственная эмоция, отразившаяся на лишенном выражения лице У Джина во время последней части сцены, было настоящим. Ужасно, что в этом не было ничего, кроме искренности У Джина, что заставило Чхве И Гёна задаться вопросом, как это произошло. Какую любовь У Джин испытал в столь юном возрасте, чтобы дойти до такого отчаяния?

— Эй, все, раз уж мы сегодня закончили съемки, почему бы нам не собраться вместе?

Словосочетание "собраться вместе" вырвалось из уст Чхве И Гёна, человека, который ненавидел культуру корейских посиделок. В своей голове он не мог придумать ничего другого, как разрешить эту ситуацию естественным образом. Все, о чем он мог думать, это о вечеринке, которая была бы хорошо воспринята всеми в этой неловкой ситуации.

Чхве И Гён был не единственным человеком, который чувствовал себя неловко. Люди, которые делали вид, что не подслушивают разговор, были несколько взволнованы, потому что не знали, как вести себя в этой грустной и неловкой обстановке. К счастью, все были согласны с предложением Чхве И Гёна собраться вместе и ликовали. У У Джина не было выбора, кроме как кивнуть, ведь он не мог быть единственным, возражающим.

Он понял, что если он испортил сцену или снял сцену, которая ему не понравилась, то, как бы он ни был расстроен, он не сможет изменить ситуацию. На ранней стадии становления актера и получения новых знаний, насколько опасно иметь тривиальные мысли во время игры? Независимо от того, насколько хорошим будет результат, ему самому придется вынести позор от осознания всей правды. С этого момента, когда бы У Джин ни посмотрел на снятую ранее сцену, он втайне стыдился себя и считал ее позорной. Впервые У Джин осознал, насколько страшно то, что видео навсегда останется доступным для всех.

Чхве И Гён сумел избежать просьбы У Джина снять эту сцену еще раз, используя встречу как предлог. Сначала он радостно улыбался. Он подумал о том, что посиделки - это не обязательно плохо, и решил устраивать их время от времени.

Однако через четыре часа после начала мероприятия он понял, что культура таких встреч в Корее очень утомительна и неэлегантна.

— Мы ведь уже возвращаемся, верно? — спросил Чхве И Гён.

Для первого раунда они отправились в ресторан, где жарили ребрышки на древесном угле. После этого они пошли в корейский бар, а на рассвете отправились в караоке. Оставшиеся люди, которые посетили все три места, остались в мотеле.

Два главных героя исчезли в какой-то момент после того, как покинули корейский бар. Везучие люди, подумал Чхве И Гён. Он завидовал тем, кто не присутствовал при этом, пытаясь выпрямить свое незащитное тело.

Когда его коллеги по работе спросили, когда у них будет еще одна встреча, Чхве И Гён передумал и сказал себе, что в будущем он больше никогда не будет устраивать таких встреч. Неужели вы думаете, что я снова покажу вам эту неприглядную сторону себя, пьяного и растрепанного?

Пока он принимал решение, вид перед ним постепенно становился все более и более раскосым, по мере того как он заваливался набок. Чем может быть это ощущение теплой и уютной ткани, касающейся моего лица?

Он с трудом открыл глаза, которые вот-вот должны были закрыться. Глядя прямо перед собой, он увидел Чхэ У Джина, держащего микрофон. Послушав вступление, он понял, что это была

«Confession» Им Чжэ Бома.

— Нееееееет!

Как ты смеешь петь запрещенную песню в караоке? Более того, почему из всех песен именно эту пел человек с разбитым сердцем? Он попытался протянуть руку, чтобы остановить У Джина, но тело не слушалось его.

— Что делать? Что мне делать?

Когда У Джин начал петь, Чхве И Гён размышлял над тем, что же делать с У Джином.

«Когда ты проснешься утром, тебе будет очень стыдно. Но ты очень хорошо поешь.»

Чхве И Гён смотрел на У Джина, медленно закрывая глаза. Его оценка У Джина как актера была отложена, так как он не мог прийти к выводу, является ли У Джин хорошим актером или плохим.

Однако, если У Джин сможет выразить себя через свою игру, как в последней сцене, которую он снимал сегодня, Чхве И Гён был уверен, что У Джин станет великим актером. Он считал актера красивым, если он хорошо играет, независимо от его внешности.

Если то, что сказал У Джин, было правдой, значит, сегодня он использовал уловку. Сцена была настолько хороша, что Чхве И Гён одобрил ее, хотя она и не была настоящей актерской игрой. Ему было очень жаль, но у него не было другого выбора, кроме как дать ей зеленый свет. Это было против его собственных правил, но образ Чхэ У Джина, запечатленный на камеру, был действительно прекрасен.

<http://tl.rulate.ru/book/60946/2707143>